

Фелликс МЕДВЕДЕВ

ОКНО
ИСТОРИИ

Мои Великие
старухи

Дорогой
Феликс
сердечный
Ольга
Слав

bhv

Окно в историю

Феликс Медведев

Мои Великие старухи

«БХВ-Петербург»

2011

Медведев Ф. Н.

Мои Великие старухи / Ф. Н. Медведев — «БХВ-Петербург»,
2011 — (Окно в историю)

Блистательный журналист, легендарный «огоньковец» Феликс Медведев рассказывает в книге о встречах и дружбе со знаменитыми, яркими женщинами, чьи судьбы совпали с драматическими разломами XX века: дочерью поэта К. Р. княжной Верой Романовой, Ниной Берберовой, Клавдией Шульженко, Франсуазой Саган, Анастасией Цветаевой, Натали Саррот, княжной Екатериной Мещерской, вдовой разведчика Руфиной Филби, поэтессой, княгиней Ольгой Чегодаевой-Капабланка-Кларк, Анной Бухариной-Лариной, Анной Ахматовой, сталинским министром Марией Ковригиной... Книгу иллюстрируют уникальные фотографии, подаренные автору его собеседницами.

© Медведев Ф. Н., 2011

© БХВ-Петербург, 2011

Содержание

Время выбрало его в свои любимчики	6
Мой «Титаник» не затонул	8
Глава 1. Мимолетная встреча с Анной Ахматовой	11
Ленинград. улица Красной конницы, 4	11
Пятый инфаркт Анны Ахматовой	14
Предсмертная хроника в воспоминаниях Лидии Чуковской	15
Из дневниковых записей Анны Ахматовой	16
Из хроники Лидии Чуковской	17
Рассказ Маргариты Юзиковны Ваганьянц	18
Глава 2. Мария Ковригина; женщина-министр	20
Автобиография	21
Жизнь настоящего врача должна быть подвигом	22
Малоизвестная деятельность Марии Ковригиной	24
Глава 3. Визиты к «железной старухе» Мариэтте Шагинян	25
Первая встреча с «Железным ухом России»	26
Две Мариэтты Шагинян	28
Письмо Мэру Лужкову	29
Глава 4. Клавдия Шульженко: она отказалась петь для Сталина	30
Внучки – о великой народной певице	31
«Синий платочек» – это навечно	33
Глава 5. Варвара Бубнова: великая русская художница	35
Яркое малиновое пятно на стене	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Феликс Медведев

Мои Великие старухи

© Медведев Ф. Н., 2011

© Оформление, издательство «БХВ-Петербург», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Время выбрало его в свои любимчики

На заре горбачевской перестройки судьба забросила меня в далекий город Иркутск, где после окончания режиссерского факультета Ленинградского института театра, музыки и кинематографии предстояло на местной киностудии клепать из месяца в месяц никому не нужный киножурнал. Безвременье, убогость человеческого быта, дикость провинциальных властей – было от чего завывать. Но какой же безмерной надеждой загорались глаза людей, когда на их посеревшие от беспросветных будней лица вдруг падали блики свеженапечатанных, вкусно пахнущих типографской краской номеров журнала «Огонек»! Того самого, «перестроечного», преображенного Виталием Коротичем в какую-то поистине «райскую птицу» на фоне удручающей своей бездарностью продукции «Союзпечати».

Казалось, эта жар-птица залетала к нам из какого-то «прекрасного далека». Казалось, вот она, та единственная в мире Формула Счастья, в поисках которой мы блуждали в кромешной тьме все эти нестерпимые казенные десятилетия. Для меня, но думаю, и для многих главной приманкой любого номера «Огонька» становились поистине ослепительные материалы за подписью таинственного Феликса Медведева, популярность которого в народе была сногосшибательной. Журналы с его интервью и статьями буквально рвали из рук. Мне, скажем, и по сей день не стыдно признаться в том, что я, взрослый мужик, с усердием примерного ученика вырезал очередную медведевскую публикацию, дабы поместить ее, как какого-нибудь редкостного радужного махаона, между листами скучной конторской книги. Где она теперь, та книга? Зачем мне было это нужно, что я собирался делать дальше с той странноватой коллекцией вырезок? Бог его ведает. Думаю, что это было нечто инстинктивно-рефлекторное, подобное действиям пчелы, набивающей себе брюшко нектаром и не задающейся вопросом, зачем она это делает... Таинственность же, я бы сказал, фантастичность образу Ф. Медведева придавала прежде всего та легкость необычайная, с которой этот господин перемещался по всему свету. Спектр его ярких опусов был ошеломляюще пестр: хлесткие злободневные интервью со знаменитыми писателями, актерами, деятелями кино, художниками (Ч. Айтматовым, С. Михалковым, С. Образцовым, И. Глазуновым, Е. Евтушенко, Э. Климовым); объемные исторические экскурсии, подобные сенсационному «бухаринскому» (шестиполосному!) материалу, сделанному на основе бесед с вдовой «золотого дитя революции» Анной Лариной-Бухариной; такие уникальные признания, как исповедь Арсения Тарковского, в которой впервые «озвучивалось» последнее в жизни письмо его сына Андрея, гениального режиссера, умирающего в Париже от рака и открыто называющего фамилии тех, кто насильственно загнал его в эмиграцию...

Такое уж, видимо, было время, само избиравшее своих любимчиков. На этот раз его любимчиком стал журналист Ф. Медведев, оказавшийся в нужный момент в нужном месте. Да, в общем хоре голосов времени звучала, как туго взведенная струна, интонация журналиста, вызывавшего своих героев на откровенный разговор и добивавшегося предельной искренности. Как явствовало из «огоньковской» хроники, неумный Ф. Медведев также успевал проводить творческие вечера журнала в многотысячных залах Москвы, Ленинграда, Киева, Таллина, Дубны... Когда открылись границы, известный интервьюер посетил многие страны, где проживали наши соотечественники. Он рассказывал о них в журнале и на телевидении. Его авторская телепрограмма «Зеленая лампа» была для московской интеллигенции символом набиравшей силу гласности. Когда позже, через несколько лет, я узнал, что знаковая евтушенковская антология «Русская муза XX века» делалась тоже с участием Феликса Медведева, библиофила, знатока поэзии, я не очень удивился. Другими словами, в ту баснословную эпоху журналист Медведев был, что называется, на виду у всей страны.

Мог ли я предполагать, сидя в своей сибирской «ссылке», что судьба сведет меня с этой феерической личностью? В конце 90-х в Москве я познакомился с Ф. Медведевым в одном из

крупных издательских холдингов. Мой кумир оказался темноволосым, подтянутым, элегантно одетым джентльменом лет сорока с небольшим (как потом, к моему удивлению, оказалось, он родился 22 июня 1941 года), со стремительной походкой и острым, внимательным взглядом. Это были уже другие времена: кончалась лихая ельцинская эпоха. Того «Огонька», который был для меня магическим, уже не существовало. Но имя Ф. Медведева, появлявшееся в рубриках многих столичных изданий, таких как «АиФ», «Вечерний клуб», «Книжное обозрение», «Новые известия», «Мир новостей», по-прежнему притягивало читателей. Полновесность его интенсивной творческой деятельности придавал выход книг. От сборников интервью с мировыми знаменитостями и выдающимися нашими современниками до документального детектива о гибели принцессы Дианы, с которой, как оказалось, он тоже общался. Здесь беру на себя смелость причислить журналиста-мэтра к племени так называемых последних романтиков. А это значит, что молодости духа Феликсу не занимать и сегодня.

Подняв свои неиссякаемые журналистские архивы, он выпускает в свет новую портретную галерею знаковых фигур ушедшего бурного XX века. И здесь творческая фантазия Медведева не дала сбой: книга посвящена драматическим судьбам необыкновенных русских женщин, с которыми он встречался в разные годы в разных странах. Что особенно трогает, наряду с суперузнаваемыми героинями, такими как Анна Ахматова, Нина Берберова, Натали Саррот, автор представляет читателю целый ряд интереснейших историй жизни «великих старух», открытых самим журналистом, – княгини Ольги Капабланки-Кларк (США), цветаевода Марии Разумовской (Австрия), княжны Екатерины Мещерской, вдовы крупнейшего разведчика XX века Руфины Филби...

Напоследок хочу сказать, что по-прежнему буду ждать выхода новых биографических открытий Феликса Медведева. С годами сам узнавший, как непросто дается журналисту, писателю работа с таким «материалом», как человеческая судьба, жизнь, душа, я с удовольствием рекомендую читателю эту уникальную книгу.

Владислав Чеботарев, кинорежиссер, журналист

Мой «Титаник» не затонул

Эту книгу с почти шокирующим названием «Мои Великие старухи» я задумал двадцать лет назад. Она складывалась из публикаций в журналах «Огонек» (где я работал с 1975 по 1990 год), «Родина», из телевизионных передач «Парижские диалоги», «Избранницы» и, конечно же, из программы «Зеленая лампа», которая записывалась прямо в моей квартире на Покровке. Перед телекамерами рассказывали о своей жизни не только москвички, но и приезжавшие в перестроечные годы из разных стран на родину представительницы дворянских знатных родов России, оказавшиеся в «года глухие» в эмиграции.

К тому же, горевший библиофильской страстью, я вел на сценах Центрального дома литераторов, Центрального дома архитекторов, Центрального дома медработников встречи книголюбских клубов, собиравшие полные залы. Зрители зачарованно слушали волнующие исповеди ровесниц века. На встречах цикла «Интервью на сцене ЦДЛ» писатели впервые услышали живые голоса легендарных Ирины Одоевцевой и Нины Берберовой.

За своими «Великими старухами» я охотился по всему свету. Их судьбы стали частью моей журналистской и личной судьбы. Я познавал их нелегкие характеры, их манеры, их капризы. Мариэтта Шагинян в минуты гнева бросалась в меня чернильницей, Ольга Капابلанка-Кларк пила шампанское наравне со мной – три бутылки на двоих, столетняя парижанка Ольга Голицына вышла на телеинтервью... в мини-юбке, чтобы продемонстрировать свои стройные ножки, Мария Чагина с жаром вспоминала, как за ней ухлестывал Сергей Есенин...

В 1990 году в США я «охотился» за Татьяной Яковлевой, возлюбленной Маяковского. Случайно я оказался в двух шагах от нее: мои русские друзья обитали в штате Коннектикут, где жили тогда Татьяна и ее муж, известный фотограф-стилист Алекс Либерман. Узнав телефон и позвонив, услышал: «Татьяна больна, позвоните через неделю...» К сожалению, через два дня я уезжал, и встреча с адресатом любовных стихотворений Маяковского не состоялась. Да, не всегда везет тому, кто ищет. В то время я задумал книгу об оставшихся в живых Романовых, посетил многих, но, увы, кого-то уже не застал... Не успел я увидеть и непревзойденную Жизель – великую русскую балерину XX века Ольгу Спесивцеву, звезду императорских театров, партнершу Нижинского и Лифаря, в безвестности покинувшую этот мир в 1991 году под Нью-Йорком. Не успел, не застал, не нашел... Круг тех, кто мог свидетельствовать о прошлом, сужался. И мне говорили: «Где же вы были лет пятнадцать тому назад?»

Но, с другой стороны, многие мои героини были рядом, в Москве. Именно здесь я познакомился с Татьяной Ивановной Лещенко-Сухомлиной, одной из самых ярких русских женщин. А Галина Сергеевна Серебрякова! Ее судьба страшно покорежена в годы деспотии, кровавого террора – ведь Галина Иосифовна более двадцати лет отбыла в сталинских лагерях и ссылке. Но выжила, поднялась на вершину творческого духа и славы.

Со многими я подружился, некоторым помогал писать мемуары, с кем-то ездил по свету, получал в подарок как библиофил книги их воспоминаний, фотографии...

В общем, мне посчастливилось тесно и творчески плодотворно общаться с людьми, которым Бог подарил яркую, богатую событиями жизнь.

Почему «старухи»? Да, так, по лингвистической прихоти. Режет слух, возмущает, щекочет нервы. Наверное, не каждая, даже в 90, согласится с такой «припечаткой». Ни одна не хочет откликаться на «старуху». Но на «Великую старуху» – тут можно и уступить! «А почему нет? Старуха в смысле матерь, прошедшая огни и воды», – говорила Джуна Давиташвили. «Феликс, я старуха с самого рождения, потому что несу в себе трагедию моего древнего цыганского народа», – восклицала певица Валентина Пономарева...

А почему Великие? Да по всему: по крутой натуре, по деяниям, по противоборству нелегкой судьбе. Они – железные женщины, пережившие Сараево, газы, Великую Октябрьскую, расстрел в ипатьевском подвале, Гитлера, падение Парижа, Освенцим, Хиросиму, ад большевизма, взрыв храма Христа Спасителя, колхозы, «дело врачей», коммунальные пытки, кровавую давку на Трубной 9 марта 53-го, «лихие 90-е», «МММ», пропавшие «похоронные»... Видели, чувствовали, обжигались, но выживали. Конечно, они великие.

Да, у некоторых, как сказала о себе Мариэтта Шагинян, «столетие лежит на ладони», другим, конечно же, еще далеко до этого рубежа, но на их долю выпало так много переживаний – и светлых, и драматических...

Так лихо назвать книгу подвиг меня, возможно, хранившийся в подсознании распространенный в артистической среде титул-амплуа знаменитых актрис Малого театра Яблочкиной, Гоголевой, Турчаниновой, Пашенной – «Великие Старухи». А может, толчком стало стихотворение Евгения Евтушенко «Старухи»:

В тот день высоким обществом старух
я был допущен к бубликам и чаю.
Царил, спасенный ото всех разрух,
естественной изысканности дух,
какой я нынче редко замечаю.

Старухи были знамениты тем,
что их любили те, кто знамениты.
Накладывал на бренность птичьих тел
причастности возвышенную тень
невидимый масонский знак элиты...

...А сколько войн, их души не спая,
Прошло по ним в своих пожарах гневных:
Две мировые, и одна своя,
и тыщи беспожарных, ежедневных....

Может быть, перелистывая эту книгу, иной читатель увидит во мне некоего искателя приключений, охотника за призраками, но я считаю: судьбы моих собеседниц, порой наивные, и «позавчерашние» суждения некоторых из них (строй мысли и интонацию я старался сохранить, а даты, поставленные в конце, говорят сами за себя) – это хроника XX века, зафиксированное прошлое.

Замечу, что ничто в мире не пропадает бесследно, и профессия журналиста (а в ней мой любимый жанр подробного биографического интервью) не так досужа и легка, как может показаться на первый взгляд. На самом деле это эмоционально изнурительная работа, ибо каждая встреча, каждая история жизни оставляют царапину в душе, а герои, поведавшие о себе, остаются со мной. В моей телефонной книжке сотни и сотни московских, парижских, нью-йоркских, римских, венских телефонных номеров, по которым сегодня уже некому звонить. Целый «Титаник». Но наше вчерашнее – мои Великие старухи и мои Великие старики (следующий том под таким названием готов к печати) не ушло из своего века, не погрузилось во тьму. Оно живо хотя бы в моих книгах, в моей памяти. Значит, мой «Титаник» не затонул...

P.S. В Интернете у какого-то рафинированного блогера вдруг неожиданно наткнулся на отличные пассажи о двух моих героинях.

Татьяна Лещенко-Сухомлина – переводчица Лоренса, Золя, Сименона. После возвращения из любимого Парижа и долгого воркутинского срока на любимой родине свое долгое будущее проживала со вкусом, с легким и веселым шлейфом аромата Rive Gauche YSL, под музыку усадебных романсов и бурных собственных романов, которые заводила и в 90 лет! Она потягивала рюмочку зеленого ликера и говорила: «ВКУСНО»! И никаких сомнений не оставалось: ВКУСНАЯ ЖИЗНЬ.

Нина Берберова, СТАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА, которой выпал долгий век; повсюду ею помеченный «КУРСИВ МОЙ». В 70 лет научилась пользоваться компьютером, без которого потом не могла прожить и дня. Как-то обронила: «Я не умею любить прошлое ради его „погибшей прелести“ – всякая погибшая прелесть внушает мне сомнения: а что, если погибшая она во сто раз лучше, чем непогибшая? Мертвое никогда не может быть лучше живого».

Феликс Медведев

Глава 1. Мимолетная встреча с Анной Ахматовой

«Ну что ж, в вашем возрасте многие пишут стихи...»

Ленинград. улица Красной конницы, 4

Давно забылось, когда и от кого мог я услышать имя Анны Ахматовой. В пору взросления и сближения с литературой, со стихами я жил в стокилометровом отдалении от Москвы, в городке Покров на границе Московской и Владимирской областей. Река Киржач с небольшим мосточком в несколько метров служила культурным и, я бы сказал, идеологическим водоразделом, потому что по одну его сторону географически-административно заканчивалась Московская область, а по другую – начиналась Владимирская. А это, как сказали бы в Одессе, «две большие разницы». Все социально-политические изменения в огромной советской державе в городок Покров приходили позже, чем приходили они к людям, проживающим по ту сторону моста. (Кстати, до сих пор Владимирская область считается наиболее ретроградской, входящей в «красный пояс» России.)

Родившись в Москве и прожив в столице до пяти лет, после развода матери с отцом я оказался на Владимирщине, которая стала мне как бы полуродной. В городе Покрове, стоявшем на Горьковском шоссе, я и окончил среднюю школу, где творчество Ахматовой даже в старших классах мы, конечно же, не «проходили».

Правда, получив в 13 лет в подарок от моего московского деда Золтана Партоша (эту фамилию я носил до 8 класса, пока мама не вышла второй раз замуж за председателя колхоза Н. А. Медведева) пишущую машинку, купленную в магазине на улице Горького напротив концертного зала Чайковского, я начал заниматься самообразованием. До сих пор храню в своей библиотеке напечатанные на машинке блокноты со стихами Маяковского и Есенина из книг, взятых в райбиблиотеке. С той поры помню наизусть многие стихи, в том числе поэму Есенина «Анна Снегина».

Шли глухие послесталинские времена. До хрущевской «оттепели» было еще несколько лет. Первый после огромного перерыва тоненький сборничек стихов Анны Андреевны Ахматовой под скромным названием «Стихотворения» объемом 130 страниц издали только в 1958 году. Его-то я и купил в очередной приезд в Москву в только что открывшемся «сотом» книжном магазине на улице Горького. Книгу выпустило Государственное издательство художественной литературы «под редакцией» официального поэта Алексея Суркова.

Открыв сборник и прочитав первые же стихи, я почувствовал неведомую доселе дрожь во всем теле. Ничего подобного я не испытывал при чтении стихов Маяковского, Есенина, других поэтов, книги которых попадали мне в руки. Ведь так называемая интимная лирика в те времена была под запретом. Самым знаменитым лирическим четверостишием слыли строки Степана Щипачева про любовь, которая «не вздохи на скамейке и не прогулки при луне».

И вдруг читаю:

Ах, дверь не запирала я,
Не зажигала свеч,
Не знаешь, как устала я,
Я не решалась лечь.
Смотреть, как гаснут полосы
В закатном мраке хвой,
Пьянея звуком голоса,

Похожего на твой.
И знать, что все потеряно,
Что жизнь – проклятый ад!
О, я была уверена,
Что ты придешь назад!

Или о Пушкине:

Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть!

Или:

Что ты бродишь, неприкаянный,
Что глядишь ты не дыша,
Верно, понял: крепко спаяна
На двоих одна душа.
Будешь, будешь мной утешенным,
Как не снилось никому,
А обидишь словом бешеным —
Станет больно самому.

Я был ошеломлен. О таких сокровенных, тонких чувствах женщины я еще не читал. Короткие строчки как бы сами собой ложились в память, и всю эту стотридцатистраничную книжечку, за исключением переводов корейско-румынских поэтов, я помню до сих пор. И мне так захотелось увидеть автора этих строк... Хотя бы издалека...

Под впечатлением творчества Маяковского, Есенина и Ахматовой я начал кропать в рифму. Каждый день после уроков в школе я уходил в лес, что в полукилометре от дома, с блокнотом в руках. И сочинял, сочинял... Мне было 17 лет, и я был уже давно влюблен в 13-летнюю девочку с соседней улицы, которой и посвящал стихи. К окончанию школы накопилась целая тетрадь моих сочинений, ее-то я и послал в областную писательскую организацию. И каким сюрпризом для меня стал однажды принесенный почтальоном конверт с официальным штампом, где находилось приглашение на областное совещание молодых литераторов! Мои стихи понравились местным литературным мэтрам, а также привлекли внимание приехавшего из Москвы еще мало кому известного поэта Андрея Вознесенского, который рекомендовал Владимирскому издательству выпустить книжку моих стихов. Она вышла в начале 1960-го года. Как сказал Маяковский, «так начинают жить стихом».

А через год меня призвали в Советскую Армию, и я оказался на западной границе нашей необъятной державы, где три года прослужил в ракетных частях Прибалтийского военного округа под Калининградом.

В один прекрасный день, когда мое дивизионное начальство узнало, что я начинающий журналист и литератор и что у меня дома есть пишущая машинка, оно решило откомандировать меня за ней в родные пенаты. «В нашем штабе не хватает этого инструмента. Даю тебе неделю отпуска», – сообщил мне комдив. Сошедший с ума от счастья, я ринулся в канцелярию оформлять отъездные документы.

И тут в моем подсознании родилась мысль: «Дорога в Москву может идти и через Ленинград. А что если найти там Анну Ахматову?» Сразив начальство страстным желанием посмотреть на крейсер «Аврора», я выпросил разрешение на нестандартный железнодорожный крюк. И в моей тоненькой записной книжке (кстати, сохранившейся до сих пор) появились заветные адрес и телефон: Ленинград, ул. Красной Конницы, д. 4, кв. 3, телефон А-2-13-42. Ахматова Анна Андреевна. Помог Андрей Вознесенский, с которым я переписывался и в армии.

В Ленинграде я оказался впервые и не имел никакого представления о том, где находится эта улица Красной Конницы. Помню, когда я спросил какого-то интеллигентного пожилого человека о том, как найти нужный мне адрес, он ответил: «Это рядом со Смольным собором, поезжайте на таком-то трамвае, там найдете...».

Дальнейшее в моей памяти прокручивается, точно в тумане: мгновение за мгновением, шаг за шагом... Иду по улице Красной Конницы, голова запрокинута, прохожу дом за домом. Вот он, в самом начале, дом номер 4. Волнуюсь все больше, но почему-то совершенно уверен, что сейчас Ее увижу. Подхожу к первому подъезду, останавливаюсь перед тремя-четырьмя ступеньками вверх. Парадная дверь. Открыта. Вхожу в общий коридор, передо мной квартира номер 3, нужно только подняться еще на несколько ступенек. Стучусь. «Вы к кому?» – в открывшуюся дверь спросила меня пожилая женщина. – «Здесь живет Анна Ахматова?» – «Да, она дома... Но она переезжает». И только тут я заметил, что все кругом уставлено сумками и тюками.

Женщина впустила меня и исчезла в темном коридоре. А я услышал, как она, постучав в дверь, проговорила: «Анна Андреевна, к вам какой-то солдат!»

Через минуту передо мной предстала полная, седая, как мне показалось, уставшая дама. Сделав навстречу два шага, она спросила: «Что вам угодно?»

Нужно заметить, что до этой секунды я не представлял, как выглядит великая поэтесса. Да и где мог я увидеть ее фотографии? В нашей покровской библиотеке книг Ахматовой не было, собрание моего деда в основном состояло из книг на венгерском языке, в Ленинку я еще не успел записаться.

– Простите, меня зовут Феликс Медведев. Я еду из Калининграда, где служу в армии, в Москву навестить маму. А вы Анна Андреевна?

– Да, я Анна Андреевна.

– Мне очень хотелось с вами познакомиться, я тоже пишу стихи...

– Ну, что ж, это приятно. В вашем возрасте многие пишут стихи.

В этих словах, в том, как она их произнесла, я почувствовал некую отстраненность. Словно прочитав мою мысль, Ахматова мягко промолвила: «Молодой человек, желаю вам научиться писать хорошие стихи, но, извините, сейчас я не могу пригласить вас к себе, у меня люди, помогают паковать книги. Я переезжаю на другую квартиру...».

Простившись, я вышел на улицу. И тут же очнулся: ведь у меня в сумке лежал тот самый зачитанный мной сборник ее стихов. Автограф! Как же я мог забыть о нем? В нерешительности остановился, не вернуться ли? Но не хватило смелости. Потом долго-долго сожалел об этом... Сожалею и сейчас. А книжка, конечно же, сохранилась в моей библиотеке.

1961

С той встречи прошло полвека.

Пятый инфаркт Анны Ахматовой

Пушкин умер в своей квартире после дуэли. Гроб с телом поэта везли в Михайловское на воронях. Хоронили тайно, без лишних взглядов.

Убитый на дуэли под Пятигорском Лермонтов несколько часов пролежал под проливным дождем. Секунданты разбежались по домам.

Больной, истощенный Блок ушел из жизни весьма кстати для новой власти. Поди разберись с его «двенадцатью» персонажами – «за» они или «против».

Великий русский поэт Анна Ахматова умерла в спецсанатории для инфарктников 5 марта 1966 года. 3 марта ее сюда доставили, 5 – она скончалась. Что называется, везли умирать. Ни одна газета Советского Союза (кроме ведомственно-литературной – в пяти строках) не сообщила об этом страшном событии. Поэта Ахматову боялись. И при жизни, и после смерти.

Кого ж это так,
Точно воры вора
Пристреленного —
Увозили?..
Изменника? – Нет,
С проходного двора —
Умнейшего мужа России!

Это о Пушкине, но Цветаева будто предчувствовала, как будут хоронить ее петербургскую сестру по поэзии.

Санаторий «Подмосковье», что в сорока минутах езды от Москвы в сторону аэропорта Домодедово, сейчас принадлежит Управлению делами Президента России. Отдыхает и лечится здесь, если выразаться языком прошлого времени, партийно-правительственная и культурная элита: от министров до народных артистов. Прошли через «Подмосковье» когда-то со своими недугами Лемешев и Райкин, Ойстрах и Марецкая, Андровская и Яншин.

Однажды волею судеб я оказался здесь в летние дни. Поселили меня в корпусе номер один, большом семиэтажном здании. С седьмого этажа открывается такая красотища, что дух захватывает: бескрайний лес, речка Рожайка, поле, пришедшее из древности и пока не застроенное новорусскими коттеджами. А гул домодедовский почти не слышен – конечно же, маршруты лайнеров проходят в стороне.

За верхушками сосен еле проглядывает корпус номер два. Как-то, гуляя по огромной лесной территории, я вышел к небольшому двухэтажному зданию.

Стал обходить его и вдруг замер – между окнами на первом этаже на мраморной доске выбиты строки: «Моя душа взлетит, чтоб встретить солнце... Анна Ахматова. 1889–1966»... Что это? Может, хозяева здравницы – любители поэзии – выбрали прекрасные стихи для воодушевления отдыхающих? Но как-то тревожно они звучат...

Через пять минут уже знал: последние часы ее жизни прошли здесь, в этом доме. Загорелся, стал расспрашивать, но на вопросы или не отвечали, или говорили скупой, полусшепотом... В библиотеке снял с полки том Л. Чуковской¹.

¹ Лидия Корнеевна Чуковская – дочь поэта К. Чуковского, с 1938 года стала близко общаться с А. Ахматовой; об общении с поэтессой на протяжении многих лет вела записи, на основании которых составила труд «Записки об Анне Ахматовой».

Предсмертная хроника в воспоминаниях Лидии Чуковской

15 ноября 1965. Комарово

Дурной день... Анна Андреевна в Боткинской... Только бы не инфаркт. Ведь это будет уже третий... или даже четвертый. Беда.

1 декабря 1965. Комарово

Заходил ко мне Иосиф (поэт Иосиф Бродский. – Ф. М). Он только что приехал из Москвы и трижды навещал Анну Андреевну. У нее инфаркт. Тяжелый...

19 декабря 1965. Москва

Я только что от нее... Анна Андреевна лежит на спине, на высоких подушках, вытянув руки вдоль тела. Не ворочается. Шевелит только головой и кистями рук... Инфаркт. По медицинскому счету третий, по ее собственному – четвертый... А сколько их может выдержать человек вообще? Одна надежда на ее гениальный организм... Да с чего я, собственно, взяла, что Анна Андреевна умирает? Ведь видела же я ее после инфаркта там, в Ленинграде, в больнице Гавани... Она встала, опять Ордынка, опять Комарово, встречи с друзьями, писала стихи, сердилась, радовалась, из Ленинграда в Москву, из Москвы на Запад. Жила. И теперь так будет.

Из дневниковых записей Анны Ахматовой

9 января 1966

Врачи, видимо, считают мое выздоровление чудом... Слово это вовсе не из медицинского словаря, но я расслышала, как один профессор употребил его, беседуя с моим лечащим врачом. Врач настаивала, чтобы я прямо из больницы ехала в специальный послеинфарктный санаторий. Я и не подумаю. Отсюда на Ордынку. Пока не повидаяюсь со всеми друзьями, не уеду ни в какой санаторий.

Из хроники Лидии Чуковской

23 января 1966

Я спросила, что говорят врачи, скоро ее выпишут из больницы и куда она после больницы отправится.

– Выпишут меня скоро. Уже научилась ходить, требуют, чтобы я ни в коем случае после больницы никуда не ехала, кроме специализированного санатория. Сразу. А я поеду на Ордынку.

5 марта 1966 года, вечер

– Мама! Случилось ужасное несчастье. Сегодня утром в Домодедово умерла Анна Андреевна.

В санаторной библиотеке в связи с моими расспросами вспомнили о давно ушедшем на пенсию враче Маргарите Юзиковне Ваганьянц, на руках которой умерла Ахматова: «Если вам это важно, можем дать адрес и телефон, но вряд ли она вас примет, ей много лет, тяжело болеет. Да и все ли помнит, столько времени прошло...».

Позвонил и услышал приглушенный, интеллигентный женский голос: «Журналист? Рассказать об Ахматовой? Ну, что ж, приходите, когда вам удобно...».

Рассказ Маргариты Юзиковны Ваганьянц

– Я 23-го года рождения и училась в школе, когда изучали Демьяна Бедного и Маяковского, а Пушкина и Лермонтова «проходили» как бы вскользь. А я тем более мало что знала, так как училась в Махачкале, это значит: летом – море, зимой – школа. Стала врачом, и судьба забросила меня сюда, в этот санаторий. У нас в основном отдыхают здоровые приезжающие, что называется, на своих ногах. Но, бывало, присылали больных из кремлевских поликлиник, это были высокие начальники, капризные, требовательные.

3 марта мне позвонила старшая сестра и сказала, что привезли из Боткинской больницы пациентку Ахматову. Сестра тоже не знала, кто это такая: Ахматова и Ахматова. Мой кабинет лечащего врача находился на первом этаже, я вышла встретить поступившую, мне сказали – очень тяжелая. Наш санаторий занимался и больными, перенесшими два-три инфаркта, со всякими осложнениями...

И вот я вижу: не идет, а шествует седая грузная женщина. Меня поразила ее осанка – царственная, королевская. Обычно старушки ходят как-то приземленно, смотрят вниз, а тут медленно идет пожилая дама со слегка приподнятой головой, с какой-то особенной статью.

Но когда она подошла поближе, я сразу подумала: «Боже мой, зачем же ее прислали? Да еще из Боткинской больницы. Ведь там очень хорошие врачи, неужели они не поняли, что это крайне тяжелая больная?» Ахматова, как потом выяснилось, перенесла уже три или четыре инфаркта.

Я встретила пациентку, представилась, проводила в палату № 132, пригласила располагаться, отдохнуть с дороги. Через полчаса пришла осмотреть. И все это время меня не покидало чувство тревоги – уж очень она была тяжела: бледное лицо, синие губы, синий кончик носа, синие уши и вид изможденный, дышала крайне тяжело. Это была явно стационарная больная, а не санаторная. Как же могли ее выпустить из московской больницы, отпустить без присмотра врача? Привезли же Анну Ахматову на 24 дня.

Первая беседа, обычные вопросы о самочувствии. Она стала жаловаться, но немного, я бы сказала: интеллигентно немного. Так что долго я ее не расспрашивала. Иногда, знаете, бывает, смотришь на тяжелого больного и думаешь: Господи, помоги, чтобы он уехал отсюда на своих ногах. Тот день, 3 марта, прошел спокойно. Я назначила ей, конечно же, постельный режим, питание в палате и медикаментозную терапию. 4 марта у меня был выходной, и я с больной не общалась, за ней следил дежурный врач. Но она его не вызывала.

Когда 5 марта я вышла на работу, мне ничего особенного не сказали. Все было спокойно. И вот я делаю утренний обход, сначала, как водится, захожу к тяжелобольным. Зашла к Анне Андреевне.

Чувствовала она себя более или менее нормально, сидела в кровати, высоко в подушках. Я померила ей пульс, давление, послушала, расспросила. Все ничего... Думаю, зайду еще раз попозже, накануне ей делали электрокардиограмму, надо посмотреть, что там. Только я поднялась на второй этаж, где врачи собирались в кабинете слушать доклад дежурного доктора, вижу: бежит дежурная сестра – скорей, скорей, Ахматовой плохо! Мы с заведующим отделением бегом вниз, сестры за нами. У пациентки резко повысилось давление. Стали внутривенно вводить нужные препараты, чтобы его снизить, снять сердечные боли. Но это не помогло, все наши действия уже не дали результата: Ахматова умерла.

Смерть всегда потрясает. Да еще если она приходит к больному на твоих глазах, на твоих руках. У Ахматовой случился очередной инфаркт. Виноват тот доктор, который разрешил ей ехать в санаторий. Он поступил легкомысленно. Тем более что 1 марта Анна Андреевна чувствовала себя очень плохо. Если бы ее состояние было хоть чуть-чуть полегче, мы бы, может быть, и смогли поставить ее на ноги.

...У Ахматовой на шее был красивый крест, отправлять в морг с этим крестом нельзя, его тут же украдут. Такой крупный, серебряный, с чем-то голубым – красивый крест. Посоветовавшись с Ниной Антоновной Ольшевской (близкая подруга А. Ахматовой, мать А. Баталова. – Ф. М.) – они приехали в санаторий вместе – мы его сняли и отдали родственнице, которую сразу вызвали, – Анне Каминской.

Тело Ахматовой два часа находилось в палате. Так полагается. Потом к запасному выходу подошла машина, и потихоньку, чтобы не видели больные, охранники занесли усопшую в морг. Вы знаете, когда кто-то у нас умирает, весь персонал пребывает в состоянии тихой истерики. Больных тревожит случившееся, ведь все старые, больные. Поэтому тело Анны Андреевны вынесли из здания тихо, пока шел завтрак.

– Маргарита Юзиковна, приезжали в санаторий в связи со случившимся какие-то официальные лица?

– Нет, что вы.

2002

Глава 2. Мария Ковригина; женщина-министр

«Это чистая правда, не улыбайтесь!»

Так вышло, что с 1967 по 1970 год я жил в городе Кургане. Работал в областной партийной газете «Советское Зауралье», регулярно публиковал интервью с известными в стране курганцами. С теми, кто жил в тех краях, и с теми, кто, уехав, получил всесоюзную известность. Среди них – знаменитый хирург-ортопед Гавриил Абрамович Илизаров, к которому на лечение приезжали больные со всех концов света (среди его пациентов были Дмитрий Шостакович, Валерий Брумель); полевод-опытник, дважды Герой Социалистического Труда, любимец партийной верхушки Кремля Терентий Семенович Мальцев; популярный поэт Сергей Васильев, отец актрисы Екатерины Васильевой; автор исторических романов Алексей Югов...

На втором году своего пребывания в этих краях я узнал, что в Москве живет и работает в должности ректора Центрального института усовершенствования врачей бывшая при Сталине министром здравоохранения СССР Мария Дмитриевна Ковригина, родившаяся в Зауралье. Загорелся желанием взять у нее интервью. В курганском музее навел кое-какие справки о биографии легендарной женщины. Правда, скудные сведения мало удовлетворили. А людей, знавших Марию Дмитриевну, я в Кургане не нашел. Ведь она покинула город еще в конце двадцатых годов.

Приехав в Москву, отправился в институт усовершенствования врачей, располагавшийся в районе Красной Пресни, напротив высотки. Предварительно связался с Марией Дмитриевной по телефону, попросил, чтобы она подготовила для меня автобиографию. Привожу сухой анкетный рескрипт, подписанный бывшим сталинским министром. Он – примечательный документ своего времени.

Автобиография

Я, Ковригина Мария Дмитриевна, родилась 6 июля 1910 г. в с. Троицкое Катайского района Курганской области, в крестьянской семье.

В период с 1918 по 1924 г. окончила 6 классов школы-семилетки. Наряду с учебой, как и все крестьянские дети, выполняла посильную работу в хозяйстве отца.

В 1924 году вступила в члены Ленинского комсомола. В 1926–1927 гг. работала в райкомах ВЛКСМ с. Катайска и г. Долматово Курганской области в должности председателя районного бюро Юных Пионеров. Ушла с этой работы по состоянию здоровья.

С декабря 1929 г. по январь 1931 г. была членом правления с/хоз. артели «Боец».

В январе 1931 г., по рекомендации комсомола, поступила на 3 курс медицинского рабфака г. Свердловска. В том же году была принята в медицинский институт, который окончила в 1936 г.

По путевке Наркомздрава направлена в городскую больницу г. Челябинска на работу врачом-ординатором, но руководством Облздравотдела оставлена в аппарате на должности лечебного инспектора и замначальника леч-проф, где проработала до февраля 1940 г.

С октября 1939 г. по июль 1941 г., после окончания курсов в Казанском институте усовершенствования врачей имени В. И. Ленина, работала по совместительству в городской больнице врачом-невропатологом.

С февраля 1940 г. по июль 1941 г. находилась на партийной работе в аппарате Областного комитета КПСС, а с июля 1941 г. по сентябрь 1942 г. работала зампредела Челябинского Областного совета депутатов трудящихся.

С сентября 1942 г. по декабрь 1950 г. работала в Наркомздраве СССР в должности заместителя наркома по вопросам охраны здоровья детей и женщин.

С декабря 1950 г. по январь 1953 г. работала в Министерстве здравоохранения РСФСР в должности министра. С января 1953 г. до марта 1954 г. работала в должности первого заместителя министра здравоохранения СССР, а с марта 1954 г. по январь 1959 г. в должности министра.

С апреля 1959 г. по настоящее время работаю в Центральном ордена Ленина институте усовершенствования врачей в должности ректора.

В рядах Ленинского комсомола состояла 12 лет с 1924 по 1936 г. В коммунистической партии состою более 36 лет, с декабря 1931 г. На XIX и XX съездах КПСС избиралась членом Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза.

Избиралась депутатом Верховного Совета РСФСР (1951–1955), депутатом Верховного Совета СССР (1954–1958). В настоящее время являюсь депутатом Московского Городского совета депутатов трудящихся.

Неоднократно избиралась членом Исполкома СОКК и КП СССР; членом Пленума ЦК профсоюза медицинских работников. Награждена: орденом Ленина, двумя Трудового Красного знамени, орденом «Знак Почета» и 5 медалями.

Президент Польской Народной Республики наградил Командорским крестом ордена Возрождения Польши.

Имею почетное звание Заслуженный врач РСФСР.

Неоднократно бывала в служебных командировках в ряде стран (Франция, Швейцария, Венгрия, ГДР, Индия, КНР, Польша, Румыния, Чехословакия, Бельгия, Италия, Тунис, Болгария). Опубликовала более 90 научных работ по вопросам организации здравоохранения.

М. Д. Ковригина

31/III 69

Жизнь настоящего врача должна быть подвигом

Перед читателем текст моей беседы с М. Д. Ковригиной, выправленный ею и подписанный на каждой странице.

– *Что значат для вас воспоминания о вашей комсомольской юности?*

– Это самые милые, самые дорогие моему сердцу воспоминания. Сейчас мои комсомольские годы представляются необыкновенно бурным, стремительным потоком, который не мог быть остановлен ни на один день, ни на один час.

Ты молод, здоров и тебе до всего есть дело, ты не можешь стоять в стороне, оставаться равнодушным. Ты смел (и даже немного самонадеян), и тебе кажется, что ты сможешь приложить свои силы в любом деле. И все ты делаешь не по чьему-то приказу или в силу какой-то дисциплины. Нет. Ты просто не можешь не делать, не можешь, не умеешь стоять в стороне. Это то же самое, как то, что человек не может существовать без воздуха, без пищи, без воды – это естественная потребность, это сама жизнь.

Сколько же у нас было совершенно неотложных дел?! Ликвидация безграмотности, расширение государственных займов, хлебозаготовки, борьба с кулаками, организация сельскохозяйственных артелей (а сначала коммуны организовали, долгом своим считали вступить в нее первыми, а родители не хотят – о, все это было непросто!).

Мы организовывали избы-читальни, первые детские сады и ясли, субботники. Учились в кружках политграмоты и одновременно учили этой важной грамоте других.

Надо было отвлекать молодежь от пьянки, хулиганства, занимать их досуг. Мы организовали самодеятельный молодежный ансамбль под названием «Красная рубашка» (в городе была «Синяя блуза», у нас же в деревне и свое название, и свое содержание, боевое, на местном материале, с острой, зубастой критикой). В «Красной рубашке» успешно выступали, раскрывая свои природные таланты, еще малограмотные батраки и батрачки. Чтобы привлечь в комсомол девушек, искали новые формы работы, которые были близки им. Так возникали «красные посиделки», «вечера молодых прях».

Я была тогда членом бюро Катайского райкома комсомола многих составов. Кто, как не районный комсомольский актив, должен был решения нашей коммунистической партии и советского правительства доводить до народа, до самых отдаленных сел и деревень?!

– *Что запомнили вы на всю жизнь?*

– Лето 1929 года. Китайская военщина при поддержке империалистических держав пробует крепость наших дальневосточных границ, разгорается военный конфликт на КВЖД. Как и все советские люди, мы, комсомолы Катайского района, разгневаны, возмущены. Каждый готов защитить свою Родину. Срочно организовываем кружки по изучению винтовки, пулемета, устава Красной Армии.

Решаем поднять по боевой тревоге комсомольцев Катайска. О том, что это только «игра», знаем всего лишь трое. Извещаем комсомольцев: завтра явиться на станцию, к поезду, идущему на восток, едем защищать Родину. С собой взять кроме комсомольского билета смену белья, питание на двое суток, чашку, ложку, кружку. Домашним и никому другому ничего не говорить, а оставить короткую записку: «Уехал защищать Родину». За час-полтора до прихода поезда мы все, кому было сказано, явились на станцию с заплечными мешками и котомками. Внешне каждый старался казаться спокойным, скрыть свое душевное волнение, но выдавали лица: сосредоточенные, бледные, и глаза, которые вдруг у всех стали очень серьезными и строгими.

Через нашу станцию дальневосточный поезд проходил ранним утром, на рассвете. Вот он показался слева из-за сосен. Мы выстроились на перроне, ждем. Станция наша небольшая, поезда на ней стоят недолго. И вот уже свисток, поезд медленно отходит. Мы расходимся по

домам и, первое, что мы делаем, – уничтожаем свои «прощальные» письма. Их никто не читал, наши родные еще только начинают просыпаться.

На всех нас эта «боевая тревога» произвела огромное впечатление. За одну короткую летнюю ночь и это ясное утро мы как-то сразу выросли и очень повзрослели.

– *Почти вся ваша жизнь связана с медициной. Какими чертами характера должен обладать молодой человек, чтобы стать настоящим врачом?*

– Настоящим врачом, на мой взгляд, может быть не всякий молодой человек или девушка. Скажу больше – не все, окончившие медицинские институты и имеющие врачебные дипломы, могут считаться настоящими врачами.

Настоящий врач тот, кто больше жизни любит объект своей работы – Человека. Любит до самозабвения, до самопожертвования. Тот, кто способен ежедневно, ежечасно, несмотря ни на что, вступать в борьбу за спасение человека.

Жизнь-работа (это в моем представлении неразрывное понятие) настоящего врача – подвиг. А ведь не каждый способен на ежедневный подвиг.

Если у врача есть это главное понимание своего долга, своей профессии – всего остального он достигнет, добьется сам. Под «остальным» я подразумеваю, прежде всего, – постоянную, непрерывную работу над повышением своих профессиональных знаний, умений и мастерства.

– *Ваши пожелания молодежи – своим землякам?*

– Прежде всего встретить великий Ленинский юбилей (следующий, 1970-й, был годом столетнего юбилея В. И. Ленина. – Ф. М.) большими трудовыми подарками. Ведь Владимир Ильич органически не переносил словесную шелуху, пустословие, «звон» приветствий.

От всего сердца желаю замечательных успехов в работе, учебе, во всей вашей многогранной жизни, чтобы Владимир Ильич, будь он сейчас с нами, мог сказать: «Молодцы, ребята, спасибо вам большое».

– *Если бы случилось чудо и ваша жизнь началась с начала, как бы вы ее прожили?*

– Очевидно, так же, как и эту первую. Готова повторить все с начала, ни от чего не отказываясь. Ни от радостей, которые дарила мне нелегкая, всегда в труде и дороге, жизнь; ни от горестей и разочарований, которые встречались на моем пути в немалом количестве.

1969

Что называется, каковы вопросы, таковы и ответы. Ведь и я, молодой журналист, и сталинский министр Мария Ковригина жили в одно время, в одну эпоху, пребывали – каждый по-своему – в сплошной «запретной зоне». Даже если бы я знал об одном из самых сильных ходов ее профессиональной медицинской деятельности на посту министра здравоохранения великой атомной державы, я бы все равно об этом ее не спросил. А если бы спросил, она бы не ответила, а если бы ответила, в газете бы не напечатали...

Малоизвестная деятельность Марии Ковригиной

Из документов, хранящихся в музеях Курганской и Челябинской областей, можно узнать и более подробную биографию, малоизвестные и даже засекреченные (!) до недавних пор некоторые принципиальные моменты жизни и работы Марии Ковригиной.

Именно М. Д. Ковригина 1 ноября 1955 года отменила запрет на аборт, действовавший с 1936 года. Снятие запрета, из-за которого женщины нередко шли к «бабкам» и калечили себя, дало возможность им самим решать свою судьбу. Немногие знают, что в тридцатые годы аборт был платным. Стоил он 50 рублей при средней зарплате в 80. После введения запрета на аборт интимная жизнь женщины стала делом общественным. На предприятиях и в домовых комитетах состояли люди, в обязанность которых входило уведомлять компетентные органы о беременности сотрудниц или домохозяек на ранних сроках, дабы предотвратить попытки прервать беременность.

Женщины боялись поделиться своими проблемами даже с мужьями. Врачи же, оказывавшие медицинскую помощь не желавшим рожать, оказывались в лагерях. Эту ситуацию и пыталась изменить Ковригина, одолевшая всех противников своего революционного решения, включая Хрущева. Поговаривали, что Никита Сергеевич побаивался своего министра, дружившего аж с бельгийской королевой.

Именно при М. Д. Ковригиной стали внедрять донорство, объединили детские сады и ясли в одну систему и увеличили декретный отпуск с 27 до 112 дней.

В 1942 году члена правительства Марию Ковригину подселили в пятикомнатную квартиру Анны Аллилуевой, старшей сестры жены Сталина. Мария Дмитриевна, чтобы не стеснять хозяйку и ее родственников, обустроилась с дочками в кладовке. Переехать от Аллилуевых, живших в знаменитом Доме на набережной, в другое жилье Ковригину вынудил сын Сталина. Пьяный Василий постоянно устраивал ночные сабантуи с матом и битьем посуды.

Ковригина не боялась выражать свою точку зрения в ЦК, Совмине и даже на сессии Верховного Совета СССР на замалчиваемую проблему туберкулеза в стране (и в частности в лагерях). Она первой обнародовала статистику о тысяче с лишним погибших от лучевой болезни в результате ядерных испытаний. Повторю, что до недавнего времени некоторая информация о ее деятельности была засекречена.

В 1959 году терпение Никиты Хрущева лопнуло: Марию Дмитриевну сначала лишили доступа к данным Госстата, а затем и вовсе сняли с должности.

Строптивного министра перевели в директора рядового института усовершенствования врачей, где она проработала почти до самой смерти. У этой по-русски красивой женщины личная судьба не сложилась, она ни разу не была замужем, но воспитала двух приемных дочерей (одна из них стала известной художницей).

Умерла М. Д. Ковригина в 1984 году. Похоронена на Новодевичьем кладбище.

Глава 3. Визиты к «железной старухе» Мариэтте Шагинян

«Вот так мы жили в те непредсказуемые времена...»

Творчество широко известной советской писательницы Мариэтты Шагинян, книги которой выходили огромными тиражами, если честно, меня мало интересовало. Конечно, в моей коллекции была ее первая стихотворная книга под названием «Первые встречи», вышедшая в 1909 году тиражом 1000 экземпляров. Читал я и ее сочинение «Месс-Менд» – этаким, если говорить современным языком, политический детектив. Всякие же прочие ее ленинские биографические штудии меня не волновали. Знал, конечно, что Мариэтта Шагинян слыла легендарной личностью в московской творческой среде. Глухая, полуслепая, с решительным сильным характером, она не боялась союзписательского начальства, не соглашаясь с их критическими замечаниями о ее творчестве. Ходили слухи, что при необходимости она пользовалась своим недугом: когда ей что-то не нравилось в разговорах с руководством СП, а то и ЦК, она попросту отключала слуховой аппарат... Широко распространилась сочиненная поэтом Михаилом Дудиным едкая эпиграмма:

Железная старуха Мариэтта Шагинян —
Искусственное ухо рабочих и крестьян.

Она была человеком высокой культуры, дружила со многими поэтами и писателями – Гиппиус и Мережковским, Блоком и Брюсовым, Соллогубом и Цветаевой, близко знала Рахманинова. Пережила страшные разломы XX века, не раз бывала на краю жизненной, социальной пропасти. Все биографы отмечали ее поразительную творческую активность. Ведь она продолжала писать, когда уже не могла прочесть написанного: буквы набегали на буквы, слова на слова, строчка на строчку. Но писала. Что не нравилось, выбрасывала в корзину и снова писала набело.

Мариэтта Шагинян умерла в 1982 году. Некролог, подписанный членами Политбюро и ведущими писателями того времени, напечатали все центральные газеты. Похоронили ее на Ваганьковском кладбище.

Незадолго до смерти Мариэтта Сергеевна сказала, что на ее ладони лежит столетие. Наверное, она имела в виду, что пропустила через себя весь XX век. Но, к сожалению, время беспощадно. Я уверен, что многие молодые читатели эпохи Интернета и черепашек-ниндзя абсолютно не имеют представления о дотошном исследователе биографий вождя революции и его соратников. На моей книжной полке хранятся только ее первая книга стихов, семисотстраничный автобиографический том под названием «Человек и время» с подзаголовком «История человеческого становления» и вышедшая в 1981 году книга очерков и статей последних лет ее жизни, в которую включено и мое интервью с писательницей.

Первая встреча с «Железным ухом России»

1975 год. Собираясь к Мариэтте Сергеевне, чтобы расспросить ее о Блоке (журнал «Огонек» готовил юбилейный номер, посвященный поэту), я взял с собой своего друга Вячеслава Аванесова, курганского журналиста, оказавшегося в это время в Москве. Связаться с писательницей было невозможно – из-за своей глухоты к телефону она не подходила, а по необходимости звонила сама. Мы поехали в Переделкино, где она жила, на удачу: застанем так застанем.

Долго стояли у запертой калитки высокого забора. На наше счастье, мимо проходила почтальонша, она-то и посоветовала дернуть за веревочку. Мы так и сделали.

До парадного крыльца метров двадцать. Подойдя, я толкнул дверь и вошел в дом. «Железное ухо России», как в литературных кругах звали Шагинян, встретила нас не очень дружелюбно: «Кто вы и зачем пришли?» Я сказал, что приехал по заданию журнала, чтобы подготовить материал о Блоке, с которым Мариэтта Сергеевна, как известно, была знакома. «Я о Блоке уже все рассказала, – отрезала она. – Больше сказать нечего».

И неожиданно задала вопрос, который не имел никакого отношения к предмету моего визита: «Скажите, правда, что Ефремов ставит „Целину“ Брежнева?»

Так началось наше совместное общение, во время которого она поведала о многом.

Мариэтта Сергеевна рассказывала, как жила при Сталине, об арестах 37-го года, обиженно заметила, что в 40-е о ней забыли, перестали издавать книги, не заказывали статей. А ведь надо было на что-то жить. И вдруг звонок Сталина: «Мариэтта Сергеевна, почему не пишете?» – «Меня не печатают, Иосиф Виссарионович, – ответила она. – Почему – не знаю». – «Хорошо, я разберусь», – вождь положил трубку.

На следующее же утро писательнице стали звонить из всех газет и издательств.

Кстати, позже из книги известного писателя Аркадия Ваксберга «Из ада в рай и обратно» я узнал о причине «наказания» Шагинян. Дело в том, что она наткнулась на материалы о еврейских корнях Ленина и, претендуя на роль первооткрывательницы партийных секретов, намекнула об этом в своей книге о семье Ульяновых, вышедшей в середине 30-х годов. Заодно сообщила, что в жилах Ленина фактически не было русской крови: предками вождя были немцы и шведы (по материнской линии) и калмыки и чуваша (по отцу). «Открытие» писательницы вызвало гнев Сталина. Книга подверглась жесточайшему осуждению, и ее изъяли из продажи и библиотек. Руководству Союза писателей СССР было поручено обсудить поступок писательницы, которая «применила псевдонаучные методы исследования так называемой родословной Ленина».

...Рассказала, как отпевали Блока. Любовь Дмитриевна Менделеева² позволила ей провести ночь у гроба Александра Александровича. Шагинян читала молитвы, а под утро ей пришла мысль отрезать прядь волос поэта и взять одну розу из погребального венка. Позже она наложила их на графический набросок с умершего Александра Блока, сделанный по ее просьбе, и закрыла рамку стеклом. Мне очень хотелось взглянуть на эти реликвии, но хозяйка не пригласила нас на второй этаж, где они хранились.

Шагинян знала многих видных писателей и поэтов 20-х годов, и я спросил ее о Марине Цветаевой. Биография этой великой поэтессы в 70-е годы была малоизвестна. Ответила себе-седница решительным утверждением, что, если бы в 41-м году Марина Ивановна уехала вместе с ней в эвакуацию на Урал, то осталась бы жива. «Одной-то ведь всегда тяжело», – вздохнула Шагинян. Рассказывала она и об истории своей дачи, обижалась на ближайшего соседа – редактора «Литературной газеты» Александра Чаковского, который хоть и жил рядом, к ней

² Любовь Дмитриевна Менделеева – актриса, жена А. А. Блока, дочь русского химика Д. И. Менделеева.

не заходил. А она мечтала именно на даче создать свой музей – музей глухого, полуслепого писателя. Мне показалось, что Мариэтте Сергеевне просто хотелось обычного человеческого внимания, тем более со стороны Союза писателей СССР, со стороны собратьев по перу.

Надо сказать, что Шагинян не разрешила записывать наш разговор на бумагу. «А то журналисты со мной поговорят, а потом публикуют интервью, не показав мне». Нас удивила память почти девяностолетней писательницы, которая в мельчайших подробностях помнила многое из того, что выпало ей пережить. Узнав, что мой друг из Кургана, заговорила о Терентии Мальцеве, знаменитом на всю страну полеводе, и спросила, как он себя чувствует, ведь ей известно, что ему когда-то сделали операцию на глазах. Поинтересовалась и Гавриилом Илизаровым, назвав его «гениальным костоправом».

...И тут послышались шаги. Оказалось, что из столовой переделкинского Дома творчества принесли обед. Автор советских культовых произведений ленинианы известила, что поделиться с нами не может – самой мало (шутка!). Тут же вспомнила о своем коте, которого она так обильно кормила, что его живот распух. Потом оказалось, что это был не кот, а забеременевшая кошка.

У Мариэтты Сергеевны мы просидели до вечера. Темнело. Моему приятелю очень хотелось получить ее автограф. Книги Шагинян у него не оказалось, и писательница вывела на листке бумаги: «Товарищу Аванесову на память о переделкинской встрече. М. Шагинян».

Две Мариэтты Шагинян

С Мариэттой Шагинян я встречался еще несколько раз – и на даче, и в ее московской квартире на первом этаже дома № 23 по Красноармейской улице. Хочу отметить, что передо мной представляли два человека – две Мариэтты Сергеевны. Одна – приветливая, обходительная, внимательная (на даче угощала блинами, горячим чаем и вареньем; а однажды зимним морозным утром, когда я собирался к ней в Переделкино, позвонила и предупредила взявшую трубку жену, что мне надо теплее одеться; расспрашивала о моем маленьком сыне), другая – вспыльчивая, гневливая (вычитывая в рабочем кабинете приготовленный мной к печати текст интервью, в котором, по ее мнению, я не точно выразил ее мысль, запустила в меня чернильницей-непроливайкой; ворчала, что не позвали на какой-то писательский пленум)...

Письмо Мэру Лужкову

Хочу здесь сказать о драматических судьбах личных архивов, библиотек и коллекций. Как библиофил я знаю, что происходит почти всегда (за редким счастливым исключением) с духовными ценностями, собранными и хранимыми увлеченными людьми, после смерти владельцев.

В 1993 году ко мне обратился один из наследников Мариэтты Шагинян с просьбой посоветовать, что делать с доставшимся ему архивом. На кухне, за чашкой чая, буднично перечислил содержание литературного наследия писательницы: письма поэтов, музыкантов, политиков, революционеров, персон, близких к Ленину и Сталину, т. е. «всю Шагинян», все, что было ее жизнью... Даже письмо самого Иосифа Виссарионовича...

Мне пришла в голову сложная комбинация: найти мецената, который купил бы уникальное собрание документов и потом в качестве подарка предложил архив мэру Москвы Юрию Лужкову для передачи в один из московских музеев.

В моих бумагах сохранился черновик письма, которое я составил для наследника. Вот его фрагменты:

«Знаменитая советская писательница, лауреат Ленинской и Государственной премий Мариэтта Сергеевна Шагинян оставила после своей смерти в 1982 году огромный архив: письма, фотографии, книги, личные вещи, имеющие мемориальное значение. Шагинян работала в литературе более восьмидесяти лет, общалась с сотнями своих современников, писателями, учеными, композиторами, общественными деятелями. Ее переписка безусловно имеет историческое, литературное, эстетическое значение. Ведь перед писательницей прошел почти весь XX век. Она общалась и дружила с Сергеем Рахманиновым и Михаилом Зощенко, Мариной Цветаевой и Дмитрием Шостаковичем, Анной Ахматовой и Андреем Белым, Борисом Пильняком и Александром Блоком, Арамом Хачатуряном и Аркадием Райкиным, Ильей Сельвинским и Владиславом Ходасевичем, Михаилом Шолоховым и Максимом Горьким, Федором Раскольниковым и Зинаидой Райх, со Сталиным и Орджоникидзе... Наследники писательницы хотят продать этот бесценный архив.

Он может быть пущен с аукциона или распродан по частям, чем нарушится поистине уникальный памятник слова и слову. Найти покупателя, который заплатит запрашиваемую сумму, пока не удалось. Обидно и горько. Последнее десятилетие нашего существования научило нас перешагивать через потери.

Между тем есть возможность сохранить этот неповторимый мемориал. Если найдется меценат, который купит архив, не мог бы мэр Москвы принять этот бесценный подарок и вручить его одному из московских музеев?»

Не знаю, что стало с архивом Шагинян. Я же приобрел лишь письмо к ней Иосифа Сталина.

Глава 4. Клавдия Шульженко: она отказалась петь для Сталина

Такие, как она, рождаются раз в полвека. Ее славу, всенародную любовь к ней сотворили не «фабрики звезд», не телестудии. Она ковала свой талант не на напыщенных сценах среди безголосых певичек, а в холодных рабочих клубах и под открытым небом. Свою карьеру начала в Харьковском театре вместе с Исааком Дунаевским и Иваном Козловским. Там же ей посчастливилось слышать чарующее пение великой Плевицкой и гроыхающий голос Маяковского.

Она и сама стала легендой русского искусства. В Харькове давно открыт музей певицы, ей поставлен памятник.

Внучки – о великой народной певице

Однажды, перебирая архив, я наткнулся на фотографию Клавдии Ивановны Шульженко с автографом и три листочка текста – взятое у великой певицы интервью, по каким-то причинам не напечатанное. Вспомнил, что познакомился с ней в 1976-м году как библиофил, коллекционер автографов. Так вышло, что мы вместе выступали во Дворце культуры крупного московского завода. Клавдия Ивановна пела, а я рассказывал о своих книжных редкостях. После концерта я получил от певицы интервью и фотографию с автографом. На одном из листочков с записью интервью – телефон. А если позвонить?.. Мысль мистически-хулиганская. Зачем? Но журналистское чутье подсказало: звони. Набираю: 151-08-... Простите, это квартира Клавдии Ивановны Шульженко?

– Да.

– Это журналист Феликс Медведев. А с кем я говорю?

– С ее внучкой Лизой.

...В квартире на улице Усиевича я беседовал с внучками великой певицы – Верой, Лизой и правнучкой Машей.

– Из этой квартиры ее увезли в июне 1984 года в клинику на Открытом шоссе. Сюда она больше не вернулась. В этом доме, в этих стенах небольшой, как видите, двухкомнатной квартиры она прожила почти 30 лет. Ей, правда, предлагали квартиру на улице Горького, четырехкомнатную, просторную, но она отказалась. «Меня устраивает и эта, здесь все меня знают, мне здесь тепло», – говорила она. И попросила, чтобы жилье отдали сыну, Игорю Владимировичу, нашему отцу. По семейной легенде, при встрече с Брежневым на каком-то концерте в Новороссийске она решилась намекнуть ему о квартире – и результат вскоре обнаружился.

Когда она умирала, рядом были ее сын, мы, ее внучки, правнучка и ее первая невестка – наша мама. Постоянно приходили поклонники, очень часто навещала Ольга Воронеж, которая жила в этом же подъезде.

Некоторые считают, что смерть великой народной певицы предвестила распад великой империи. Некролог в «Правде» подписал Черненко.

Похоронили мы бабушку на Новодевичьем кладбище. Рядом лежат Петр Леонидович Капица, Мария Ивановна Бабанова.

– В народе разное говорят о Бусе (так мы звали ее дома): и что мужей меняла, и что богатой была. На самом же деле единственным на всю жизнь и мужем, и другом Клавдии Ивановны был Владимир Филиппович Коралли. Да, развелась с ним, да, гражданским браком позднее жила с Георгием Кузьмичом Епифановым, да, были поклонники, сулившие золотые горы (один из «предновых русских» обещал построить ей дворец), но с Коралли слишком много было связано: и начало, и взлет артистической карьеры, и любимый сын.

Была ли богатой? Ни машины, ни картин, ни золота-серебра. Если бы дожила до перестроенных и тем более до нынешних времен (сами понимаете, это звучит, как сказка), то да, стала бы настоящей миллионершей. А по тем временам, что ж... Получала гроши. На сберкнижке ничего не осталось. Когда стала народной, повысили Бусе концертную ставку, она получала за «сольник» 200 рублей, вроде бы немало, но все уходило на гостей, на подарки друзьям, нам, внучкам. Женщина она была добрая и щедрая. Не любила пребывать в квартире в одиночестве. И при всей скромности всегда накрывала стол для гостей, встречая их в красивых и, наверное, недешевых одеждах. На 70-летие Клавдии Ивановны платье пошил знаменитый уже тогда Слава Зайцев. Нынче оно хранится в музее Шульженко в Харькове.

Сплетничают, что пила, не выпускала изо рта сигарету – эдакий жгучий, коварный вамп. Ничего подобного, не выносила курева, но любила, правда, запах вкусных заморских сигар и дорогих папирос; а насчет вина, так мы не помним ни единого случая, чтобы бабушка, что называется, хоть чуть перебрала. Так, в норме, как многие.

– Она не была ни мещанкой, ни обывательницей. Хотя, как и любая женщина, обожала духи, платья, модные одежды. Кажется, на этой почве подружилась с прекрасной певицей Эдитой Пьехой, дамой с безукоризненным вкусом.

Поклонники из разных стран присылали Клавдии Ивановне духи, косметику, бывшую у нас, конечно же, в дефиците. А как надували ее спекулянты и проныры! Она не спрашивала, сколько стоит тот или иной флакон духов, понравившихся ей, платила, сколько говорили. Любимыми духами бабушки были «Мицуко» и «Фам». Вся квартира была уставлена этими духами. Вообще ее дом – это запах вкусной еды и шикарной косметики.

– Почему, спрашиваете, не было заграничных концертов? Были в некоторых соцстрах-нах, а на Запад ни разу не ездила. По нашим предположениям, бабуля числилась невыездной. Чего стоят ее не сложившиеся отношения с министром культуры Фурцевой... Да и характер Клавдии Ивановны был не из легких. Она могла отказать любому, проявляющему навязчивое внимание. Не пойти на выступление в Кремль, заявив прямо, что нет желания, не тот состав. Опять же по легенде, однажды при Сталине отказалась встречать Новый год в кремлевских хоромах. Так что какие там Франции и Америки?! А приглашения шли. От русской диаспоры, от поклонников. Из Штатов, помним, постоянно приглашали, приезжали за ней в Россию, но вырваться в далекий вояж она не смогла. А с возрастом, когда вроде бы чуть-чуть отпустили вожжи, лететь через океан было уже непросто.

– Буся была неисправимой кошатницей и собачницей. Животных очень любила. По квартире бегали несколько кошек, которые, конечно же, радовали и нас, когда мы гостевали у бабушки. Один случай, связанный с любовью к животным, кажется исключительным. У нее был любимый маленький песик скайтерьер. Сохранилась даже его фотография. Так вот, это беззащитное существо попало под машину, и бабушка погрузилась в самый настоящий траур, отменила даже аншлаговый концерт. Времена были, сами понимаете, крутые, и никакие отклонения в сторону от норм партийно-коллективистской морали не позволялись. А тут из-за собачки – отмена выступления! И в газете появляется фельетон «Кузька в обмороке». Об этом случае тогда, в 50-е годы, конечно же, говорила вся Москва.

– В последние годы перед смертью Клавдия Ивановна все больше любила слушать пластинки с записями своих песен. Слушала, конечно, и любимых исполнителей, классику. Сиделась за рояль, музицировала. До последнего дня не могла смириться с тем, что уже не поет. Не теряла надежды распеться, снова ощутить себя молодой, полной сил. Но и силы, и голос, и воля ее оставляли. И вот уже много лет нам скучно и трудно без любимой Буси, нашей бабушки. Великой русской певицы.

2001

«Синий платочек» – это навечно

Интервью из моего архива:

– *Клавдия Ивановна, в последнее время вы стали реже выступать на эстраде. Ваши поклонники забеспокоились. Чем объяснить это – возрастом, усталостью или иными причинами?*

– Ну что вы, разве сегодняшнюю усталость можно сравнить с той, военной, фронтовой усталостью сорок первого – сорок второго годов, когда приходилось петь по два-три раза в день. Петь в невероятно трудных условиях: в поле, в землянке, в блиндаже под вой и грохот вражеских снарядов и гул самолетов. Вот когда было трудно. Только в первый год войны я выступила в пятистах концертах. Сегодня это кажется чем-то фантастическим, но это правда. Конечно, когда я была моложе и сильнее, крепче была сила воли и духа – предстояла великая борьба с врагом не на жизнь, а на смерть. И я воевала, чем могла, – голосом, песней, словом, призывом к победе.

Вы говорите, усталость... Рассказать вам, что такое настоящая усталость, полное изнеможение? Вы молоды, и вам трудно, быть может, представить, но все-таки: в цехе оборонного завода шло выступление, я начала его приподнято, уверенно, спела первую песню. Сопровождение умолкло. И тут я увидела... аплодисменты. Да-да, я не оговорила, не услышала, а увидела. Поначалу мне показалось, что я оглохла или что в зале абсолютно отсутствует акустика, но нет, я видела, что люди аплодировали, но аплодисментов-то не слышала. А дело вот в чем: рабочие так устали, что их ладони только касались друг друга.

А как все начиналось – это дела давно минувших дней... Харьков, двадцать третий год. Мне семнадцать лет. Я, как и все девчонки, люблю петь, танцевать, веселиться. Подругам мой голос нравится, они мне говорят: «Попытай счастья, сходи в театр, испытай себя». Вот я и пришла однажды прямо на репетицию, которую вел известный харьковский режиссер, талантливый педагог Николай Николаевич Синельников, которого звали «провинциальным Станиславским». Достаточно сказать, что из-под его крыла вылетели такие птенцы искусства, как Блюменталь-Тамарина, Остужев, Тарханов.

Так вот, первый диалог, который состоялся в стенах театра, куда я пришла по настоянию подруг, был приблизительно таким:

«Ты к кому, деточка?» – «К вам». – «Что же ты хочешь?» – «Хочу в театр». – «А что ты умеешь делать?» – «Все!» (Общий хохот в репетиционной).

Потом я пела, танцевала, читала. Зачислили меня в труппу, и, казалось, меня ждала стезя драматической актрисы. Но судьбе было дано распорядиться иначе. В 1928 году я ушла из театра и стала профессиональной певицей. Выступала в кинотеатрах, в парках – как эстрадная исполнительница.

В те годы уйти из театра – это был смелый, рискованный шаг. Эстрада только завоевывала свое место в советском искусстве, еще были живы нравы дореволюционного прошлого, когда певец на сцене воспринимался как дополнение к беззаботному веселью в зале.

Но я сумела найти себя в этом жанре. Много пела, работала и, наконец, поняла, что единственный мой путь в искусстве – это эстрада.

За годы пребывания на сцене я исполнила и вывела в жизнь сотни песен. Но скажу, что не все мне дороги и памяты. Песни-однодневки нужно было исполнять в силу каких-то определенных обстоятельств: в кино, в спектакле, по заявке радиослушателей. Но есть в репертуаре песни, которые прошли со мной через всю жизнь. Они дороги мне, как самые любимые родные дети. Я имею в виду «Вечер на рейде» Соловьева-Седого и поэта Чуркина, «Опустилась ночь над Ленинградом» Тимофеева, Крахта и Жерве, «Руки» Табачникова и Лебедева-Кумача,

«Давай закурим» Табачникова и Френкеля, из более молодых – «Вальс о вальсе» Колмановского и Евтушенко, «А снег повалится» Пономаренко и Евтушенко.

– *Ну, а самая, самая любимая?*

– Понимаю, вы хотите, чтобы я назвала «Синий платочек». Да, это так. Песня, с которой я прошла всю войну. И которая сегодня любима всеми.

1976

Глава 5. Варвара Бубнова: великая русская художница

Яркое малиновое пятно на стене

В 1977 году мы с женой приехали в Сухуми, где вместе с бабушкой проводил лето наш двухлетний сын Кирилл.

Случайно от местного поэта Станислава Лакобы (с 2005 по 2009 гг. секретаря Совета безопасности Абхазии) я узнал, что в городе живет художница Варвара Бубнова, приехавшая из... Японии. Конечно, мне захотелось познакомиться с художницей, но чтобы не попасть в неловкую ситуацию, я обратился в местный музей за информацией о Варваре Дмитриевне. Услышанное меня ошеломило...

Две комнатки, обставленные и увешанные картинами, недорогая, можно даже сказать, бедная домашняя утварь. Обратил внимание на крупную полувыцветшую фотографию, висевшую на стене. На ней была изображена красивая молодая дама. Заметив это, Варвара Дмитриевна прокомментировала: «Такой я была давно, а вы знаете, молодой человек, сколько мне лет?» Я пробормотал что-то невнятное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.